

VII. Другая сторона России

Возникновение “сибирского общества”

Однако вернемся вновь в начало XVIII века. На сей раз обратимся к восточным районам страны, развитие которых шло с иным ритмом и по несколько иным законам. Если в европейской части России и в Поволжье XVIII век был отмечен чередой бурных военно-политических событий и нововведений, таких, как разрешение на торговлю живыми крестьянами (1729) или манифест о вольности дворянства (1762), легализовавший превращение последнего в абсолютно паразитический класс, то в Сибири, заселенной преимущественно “вольными” казаками, купцами и мещанами, где местное дворянство практически не имело крепостных (поскольку закрепощать вольных было нельзя, а везти рабов из-за Урала – себе дороже), многочисленные новации эпохи практически не имели отголоска.

Преимущественно занятая европейскими делами, центральная власть в минимальной степени уделяла внимание развитию огромного “сибирского континента”. Надо сказать, это определенно пошло ему на пользу. Прежде всего, сибирское общество – воспользуемся этим термином для идентификации его, существенно отличного от сообществ европейской части страны, – не нуждалось в каких-либо модификациях и “усилениях” имевшихся идейных стереотипов. Безусловно, сообщения о блестящих победах над османами преполняли гордостью сердца кяхтинских купцов и иркутских мещан, однако у них не было необходимости выстраивать свою повседневную деятельность в соответствии с искусственно стимулируемыми акматическими целями и задачами. Говоря естественно-научным языком, источником жизненной энергии подавляющего большинства свободного сибирского населения становилась тривиальная разность координат “экономического идеала” и реального состояния дел, а не задача строительства всеправославной империи с Царьградом в качестве южного форпоста. Смысл “большой России”, мобилизованной на решение этой фантастической задачи, “уздой железной... <вздернутой> на дыбы”, устанавливающей ради этого чудовищные ограничения прав и человеческого достоинства своего населения, в минимальной степени осознавался и разделялся “сибирским обществом”. Но в этой тривиальности его жизни без особого труда можно было разглядеть все предпосылки уже активно утверждающегося в Европе

гражданского строя, развития товарно-денежных отношений и становления первой промышленности.

**Великий чайный путь.
Феноменальный
расцвет Кяхты.**

По условиям договора с Китаем 1727 года, вся приграничная торговля России с Китаем концентрировалась в небольшом населенном пункте Кяхта, расположенном на юге Бурятии, в 235 км от ее нынешнего административного центра г.Улан-Удэ. Правда, до 1759 года в Пекин раз в три года отправлялись казенные караваны с предельной численностью сопровождающих в 200 человек. Но установленные Пекином количественные ограничения на караванную торговлю, призванные защитить внутренний рынок и сдержать рост к нему интереса России, в конечном итоге начинают работать на развитие уже последовательно частного торгового оборота русских. В конце 40-х годов XVIII века в Санкт-Петербурге принимается нетипичное для своей эпохи решение о дозволении частной торговли пушниной с китайскими купцами. По указу Сената в 1743 году Кяхта (Троицко-Савск) получает статус торговой слободы⁵⁹, а начиная с 1755 года Богом забытый городок – "пырейное место", как переводится название этого места с бурятского языка, – начинает превращаться в один из крупнейших торгово-финансовых центров страны. В Кяхте берет начало всемирно известный "Великий чайный путь", обеспечивавший не только большую часть поставок чая в Россию, но и существенную – в страны Европы. Уже в 1750 году через Кяхту было ввезено 100 тыс. пудов (1.6 тыс. тонн) чая различных сортов, а в 1880 году – уже в десять раз больше! В отдельные годы (в частности, в третьей четверти XVIII века) кяхтинская чайная торговля приносила до половины внешнеторговых доходов страны.

Проезжие путешественники в своих записках именовали Кяхту "Москвой на Востоке" или "песчаной Венецией", здание кяхтинского купеческого собрания поражало роскошью выдавших виды коммерсантов, а по потреблению шампанского Кяхта, в которой "волшебным напитком бенедиктинцев" наслаждались все, включая слуг и кучеров, уступала лишь столицам. На деньги купечества в Кяхте возводятся крупнейшие за Уралом храмы и отрывается третья по счету в России женская гимназия.

⁵⁹В условиях дескриптивного русского законодательства того времени статус торговой слободы фактически вводил для осуществляемых в ее пределах торговых отношений свойственный буржуазному гражданскому праву нормативный подход: разрешено все, что не запрещено.

В Кяхте появляются и первые в Сибири мануфактуры – предприятия по ручной упаковке чая, или "ширканию". Чай упаковывали в специальные тюки – цыбики, каждый весом до полутора пудов, затем, во избежание попадания влаги на долгом пути, последние зашивали в бычьи шкуры шерстью внутрь. Особо ценные и дорогие сорта чая предварительно заворачивали в "свинцовую бумагу" – фольгу. Сформированные к отправке партии чая в теплое время года сплавляли по Селенге в Байкал – до Иркутска, либо везли на лошадях по почтовому тракту. В течение последующих 9–10 месяцев чайный груз добирался до Москвы и Санкт-Петербурга, в течение года – до европейских столиц⁶⁰. По сути, на протяжении XVIII – первой половины XIX столетий на мировом рынке присутствовали лишь два поставщика чая: Россия и Англия. Жестко регламентируемая внешнеторговая политика Китая позволяла только этим двум странам приобретать товар, производство которого в ту пору осуществлялось исключительно в Поднебесной и строжайше оберегалось от иностранцев.

Пожалуй, никогда раньше, да и в последующем, у России не было столь ценных монопольных прав на торговый канал поистине общемирового значения. В оплату чая шли возобновляемые российские ресурсы – сибирские меха, а также ремесленные изделия, оплата же от европейских покупателей чая осуществлялась золотом или изделиями, которые так или иначе приходилось бы за золото приобретать.

Товарооборот кяхтинской торговли стремительно возрастал. В момент ее начала, в 1750 году, он составлял 837,065 рублей, а к 1800 году увеличился до 8,383,846 рублей – не считая периода с 1762 по 1768 гг., когда, по причине обострения отношений по причине бегства в Россию хана разгромленной маньчжурами Джунгарии Амурсаны в 1757 г., Пекин в одностороннем порядке закрыл доступ в Кяхту китайским купцам [53]. К концу царствования Екатерины II только таможенные сборы от кяхтинской торговли достигали 1 млн. рублей ежегодно (50% всех собираемых государством пошлин), или 2.0% государственного бюджета того времени [54]. Принимая во внимание, что оборот кяхтинской торговли в конце XVIII века достигал 10 млн. рублей, что по стоимости было эквивалентно $\frac{1}{6}$ бюджета, можно обоснованно

⁶⁰В конце XVIII – первой трети XIX века сибирский чай поставлялся в Лейпциг, Гамбург и Амстердам. Парадоксально, но "прорубленное" Петром "окно в Европу" в лице трех российских портов на Балтике – Санкт-Петербурга, Ревеля и Риги, – во многом работало на успех именно азиатской торговли страны.

предположить, что реальное значение Кяхты и для бюджета, и для национального дохода страны было значительно выше. Если учесть, что в Кяхте проживало чуть более 3 тысяч человек, то усредненный доход казны на одного налогоплательщика превышал 330 рублей в год – в то время как в среднем по стране от составлял 2.3 рублей. При всех факторах своей географической исключительности, эффективность капиталистической Кяхты была более чем в 140 раз (!) выше базирующейся на феодальном сельском хозяйстве российской экономики в целом.

К середине XIX столетия в уездной Кяхте проживали 20 миллионеров⁶¹. Богатейшим из кяхтинских купцов был Я.А.Немчинов, чье состояние оценивалось в 48 миллионов, следом шли А.В.Швецов и Н.Л.Молчанов (15 и 10 миллионов соответственно). По воспоминаниям современников, на содержание дома, 75 человек прислуги и 100 коней в 1892 году Яков Андреевич Немчинов потратил более полумиллиона рублей. Даже самые скромные из кяхтинских купцов содержали не менее 10 человек прислуги и 15 лошадей. А из-за скудости лесов в окрестностях Троицко-Савска, дрова считалось допустимым возить за сотни километров из Монголии [55].

**Кризис возможностей.
Сибирский капитал
становится первым
спонсором революционеров**

Совокупный капитал кяхтинских предпринимателей к 1855 году превышал 160 миллионов рублей, что делало крошечный бурятский городок крупнейшим торговым и

финансовым узлом страны. К сожалению, должным образом этот уникальный потенциал не мог быть использован. Чайная торговля, горнорудная промышленность и золотодобыча, заготовка и оборот пушнины оставались практически единственно рентабельными видами экономической активности, иные способы приумножения капитала, основанные на производстве, отсутствовали – прежде всего, из-за нехватки свободных рабочих рук.

При этом проблемой была не сколько нехватка свободной рабочей силы в самой Сибири, сколько в европейской части страны, где экономические условия для развития промышленного

⁶¹Если учесть, что килограмм мяса в то время стоил около 10 копеек, а годовое жалование средней руки чиновника составляло 300–500 рублей, то приблизительным эквивалентом тогдашнего миллиона рублей окажутся современные 15–20 миллионов долларов США.

капитализма были несравненно лучше в силу более высокого внутреннего спроса, а также географической доступности европейских рынков сбыта – куда более открытых, чем рынки Китая и контролируемых им восточно-азиатских стран. Не имеющее основных гражданских прав крестьянское сословие, из поколения в поколение нищенствующее на давно утративших плодородие землях, не могло – за исключением сезонных подработок – сделаться ни источником регулярной рабочей силы, ни платежеспособным потребителем отечественной промышленной продукции. В России конца XVIII – первой четверти XIX вв. не существовало по-настоящему эффективных направлений для инвестирования свободных капиталов. Популярный ныне вывоз капитала за границу был в то время практически невозможен – как из-за запрета на свободную конвертацию рублей⁶², так и из-за невозможности учреждать за кордоном принадлежащие русским лицам компании для фиксации прибыли, аналогичные современным “офшорам” (принятые в ту пору в Европе обычаи делового оборота обязывали иностранных купцов, в данном случае русских, после реализации своего товара на чужой таможенной территории закупать эквивалентный по стоимости объем товаров местного производства; приобретение же местной валюты к подобного рода закупкам не относилось; кроме того, собственные таможенные власти, преследуя прежде всего фискальный интерес, стремились контролировать соответствие ввозимых товаров стоимости вывезенных за рубеж).

В какой-то степени проблему приложения быстрорастущих купеческих капиталов решало развитие сибирской горнорудной и золотодобывающей промышленности. Так, вторым (а в последующем – и основным) бизнесом кяхтинской династии Немчиновых стали знаменитые Ленские золотые прииски на реке Бодайбо. Но золотоносных рек и серебрянных рудников хватало не

⁶²Частный вывоз из страны золотых и серебрянных монет не допускался вплоть до финансовой реформы 1895–1897 гг.; более того, из-за опасения подделок, был запрещен вывоз из страны и рублей в ассигнациях. На смелое для своего времени предложения купца и промышленника Прокопия Демидова об открытии коммерческой конторы по обмену русских рублей на иностранную валюту, сделанное в 1770 году, Екатерина II ответила решительным отказом. Тем не менее, незаконно вывезенные за рубеж рубли, представлявшие безусловную ценность для ведущих в России дела иностранцев, обычно удавалось с определенными потерями обменивать на национальные деньги или золото. Крупнейшая из незаконных “конвертаций” в XVIII веке приписывается бироновскому фавориту барону фон Шембергу, во времена Анны Иоанновны сумевшего вывезти из страны 372 тысячи рублей (эта сумма была эквивалента 4% государственного бюджета того времени – сегодня аналогичная часть консолидированного бюджета России эквивалентна 3.2 млрд. долларов).

на всех. Поэтому в среде сибирского торгово-промышленного сословия значительно раньше, чем где-либо еще в России, начинает расти осознанное недовольство тем крайне скудным выбором возможностей развития, который представляло им общество. История сохранила массу свидетельств о неподдельном интересе, который в его среде стали вызывать всевозможные революционные идеи, и о той реальной помощи, которая оказывалась купцами многим из революционеров. Общеизвестно максимально благожелательное отношение, с которым сибирская элита отнеслась к пребыванию на их земле ссыльных декабристов. В конце 1850-х годов ссыльный народник и первый в истории революционер-анархист М.А.Бакунин, долгое время живший в Кяхте у купца В.Н.Сабашникова, через торговые представительства кяхтинских предпринимателей в Тяньцзине смог организовать доставку в Россию нелегальной литературы, а также устроить в 1861 году свой побег⁶³. Сибирское купечество было и крупным спонсором антиправительственного "Колокола", издаваемого в Лондоне А.И.Герценом. Все это содействие и помощь оказывались с безусловным риском, поскольку уровень материальной состоятельности и высокая сословная принадлежность считались отнюдь не смягчающим, а скорее отягчающим обстоятельством при расследовании в России политических дел [56].

Симпатизанство революционным идеям не являлось чем-то необычным для ведущих сословий России, однако в Сибири оно было не проявлением "горя от ума", а вполне естественным состоянием голов. Между купцами и промышленниками Сибири и европейских регионов России наблюдались и другие, не менее примечательные, различия. В частности, для первых была куда менее характерна любовь к кутежам.

Углубление инаковости

Разбогатевшие на пушных промыслах и монопольном доступе к практически единственному в Евразии каналу сухопутной торговли с Китаем, купцы не были единственными представителями сибирской консорции, обладавшими собственным, отличным от канонов европейской России, мироощущением. О феномене "сибирского сознания", существенно отличавшегося от стереотипов поведения в

⁶³Современники поговаривали, что ссыльному Бакунину негласно покровительствовал и генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н.Муравьев-Амурский.

центральной части страны, заговорили еще в середине XIX века, когда эти различия сделались достаточно заметны, а начавшийся с выхода в свет "Философических писем" А.А.Чаадаева кризис акматического имперского самосознания впервые позволил "европейским россиянам" усомниться в универсализме собственной поведенческой модели.

Отсутствие крепостного права, слабость общинной опеки, необходимость всегда и во всех делах рассчитывать на собственные силы сформировали у сибирских "старожилов" – русских переселенцев-крестьян, проживших на новых землях уже несколько поколений и не смешавшихся кровно с местным аборигенным населением, – особый и самодостаточный стереотип поведения. "В картине мира старожила ценность личности и общественная оценка определялась ценностью работника: "вырабатывать достаток и за добрые труды быть словутным..." Ценностные позиции труда, богатства, бережливости в субъективной картине мира старожилов доказывают наличие реализованного социального идеала" [57]. Для сибиряков высшим социальным благом были личный успех и трудом заработанное богатство, в то время как в сознании у "центрально-русского" крестьянина – да и у значительной части рефлексировавшей по его "нелегкой доле" ему интеллигенции – в качестве социального идеала выступала коллективная уравнительность.

Сибирские архивы хранят огромное количество судебных исков, поданных... крестьянами, что подтверждает наличие у последних как четкой ментальной установки на защиту своих экономических прав и личного достоинства, так и развитого гражданского правосознания. Роль общины и связанных с нею выборных должностей в сибирских деревнях постепенно снижалась, взамен происходило повышение значения семьи и личности. Сибирское общество динамично утрачивало типичную для остальной части страны иерархичность, заменяя ее, если говорить современным языком, горизонтальной "сетевой" организацией. По сути дела, в Сибири продолжали развиваться традиции реального гражданского самоуправления, столь ярко заявившие о себе в первой половине XVII века, однако последующими действиями властей оказавшиеся практически пресеченными.

Уже с конца XVII века внуки и правнуки первых переселенцев начинают соотносить себя с новым именем – "сибиряки", а "сибирско-русский старожил" становится отличен от "российского человека". Исходя из наличия у сибиряков развитого

таксономического сознания, справедливо сделать вывод о формировании в составе русского народа особого сибирского субэтноса [58].

**Бог привлекает
труждающихся**

По причине огромности Российской империи и относительно небольшой доли в ее составе русских сибиряков, наблюдаемым различиям в самосознании долгое время не придавалось достаточное внимание. Смысл многих явлений и процессов стал по-настоящему понятен лишь десятилетия спустя. В частности, это относится к поразительной схожести "сибирского самосознания" с ментальными установками европейских протестантов. Стремление к зажиточности и честно приобретенному богатству как достойная Божественного замысла одна из высших земных ценностей – прямой русский аналог германского "божественного призвания", *Beruf*, или латинского *Industria* – аскезы в трудолюбии, непосредственная ответственность личности перед обществом и Богом взамен философии "пастыря и стада", недогматичное отношение к формам и правилам жизни (при безусловном сохранении их нравственной основы), гипертрофированное стремление к физической и нравственной чистоте – все эти черты, относящиеся, по распространенному мнению, к европейским протестантам, были в полной мере реализованы сибирскими старообрядцами. И там, и здесь вероисповедание было не причиной, а лишь формой, призванной закрепить и оградить социально-психологическую инаковость своих адептов. Подобно тому как последователи Лютера апеллировали к ценностям первоначального христианства, так "апелляция <сибирских старообрядцев. – Авт.> к "старине" <являлась стремлением> к естественному состоянию и положению, нарушенным и нарушаемым светскими и духовными феодалами... "Старина"... и являлась "земным ядром" реализации построений старообрядцев" [59]. Не случайно, что именно из среды старообрядцев вышли крупнейшие русские предприниматели, что именно Сибирь дала их основную часть и что, несмотря на в лучшем случае недоброжелательность властей, старообрядство в Сибири до самого 1917 года если и не являлось господствующим

вероисповеданием, то уж, во всяком случае, имело духовный паритет с правящей⁶⁴ "никонианской" церковью.

Отметим, что намеренная дистанцированность старообрядцев от государственных институтов также играла свою положительную роль в развитии у них склонности к предпринимательству, поскольку в большей степени ориентировала на личностное развитие в горизонтальной, гражданской сфере отношений, нежели на карьерный рост в иерархической системе. В этом аспекте сибирское обустройство уже гораздо ближе к английскому *Settlement*, нежели к немецкому *Ordnung*.

Так уж, наверное, устроена история России, что многие принципиальные процессы и явления скрыты и неочевидны. Возможно, причиной здесь является слишком уж часто переписываемые в угоду политическим интересам ее личностная и мотивационная основы либо привычка анализировать ее события через призму западноевропейского исторического процесса. Так, "допетровский" XVII век у нас принято считать мрачным и "застойным" временем, в то время как в течение него Россия решала проблемы, абсолютно идентичные проблемам западноевропейских соседей, была страной весьма либеральной⁶⁵, мало кому уступала в военно-техническом отношении⁶⁶, а в плане территориальных приобретений не знала себе равных. Точно так же землю за Уралом почему-то принято считать "заповедником" традиций, "исконности", чуть ли не вместилищем наиболее архаичных форм отечественной

⁶⁴Термин "правящая церковь" здесь корректен, поскольку с 1721 по 1917 гг. церковь, управляемая Святейшим синодом, являлась государственной организацией.

⁶⁵На реально высокую степень "либеральности" русской жизни в XVII веке и особенно в годы правления царевны Софьи указывают, в частности, протестантские источники. Гонимые в Европе, в России протестанты реально чувствовали себя в безопасности, за редкими исключениями им не препятствовали строить моленные дома (в Москве, Новгороде, Пскове, Переславле, Белгороде) и возводить кирхи (Михайловская кирха на месте нынешних Красных ворот в Москве), открывать общеобразовательные и художественные школы, которые власти позволяли свободно посещать и русским детям.

⁶⁶Первый и Второй Крымский походы В.Голицына (1687 и 1689 гг.) показали как организационное превосходство русских войск "нового строя", так и их лучшую техническую оснащенность (чем очевиднее для современников виделись объективные преимущества русской армии, тем обиднее были неблагоприятные природные факторы, не позволившие войскам выполнить поставленную задачу). Кроме того, первый этап Северной войны со Швецией, который почему-то принято связывать с поражениями России, велся с "лучшей армией Европы" на паритетных условиях. Даже самый неблагоприятный эпизод этой войны – Нарвская битва 19 ноября 1700 г., – несмотря на отсутствие с войском царя, предательство иностранных офицеров и случившуюся панику был завершён на условиях достойного перемирия, позволившего без потерь отвести в тыл сохранившие боеготовность гвардейские части.

жизни и общественного устройства. В то же время центральная Россия воспринимается как оплот (или "рассадник" – в зависимости от авторского отношения) "европейских традиций".

Однако даже беглое знакомство с жизнью сибирской этносоциальной консорции в XVIII–XIX веках позволяет усомниться в бесспорности этой, казалось бы, в той или иной степени многими разделяемой точки зрения.

Еще в 1702 году при архиерейском дворе в Тобольске⁶⁷ по инициативе сибирского митрополита Филофея Лещинского основывается школа, в которую начали было принимать детей всех (а не только духовного) сословий, вести занятия на латинском языке и содержать собственную типографию. Подобный уровень вольности был столь беспрецедентен, что даже "прогрессивный реформатор" Петр I был вынужден пресечь подобные новации (преподавание латыни было здесь возобновлено лишь в 1728 году, а всесословность приема возобновили в 1744 г.). На протяжении всей второй половины XVIII века Тобольская всесословная семинария входила в число восьми учебных заведений, дававших максимальный для того времени 8-летний курс [60].

Практически во всех сибирских городах и даже в крупных станицах во второй половине XVIII века существовали средние учебные заведения: гарнизонные, казачьи, военно-сиротские школы и т.п. школы. Уже к концу века всю русскую ойкумену в Сибири покрывает сеть всесословных "народных училищ", а уровень грамотности приближается к 60–70% – для того времени высочайший показатель не только в сравнении с остальной территорией России, но и европейскими странами.

Частные типографии в Сибири появляются практически одновременно с Москвой и Санкт-Петербургом. Первой книгой, напечатанной в тобольской типографии Корнильева, стала более чем светская повесть "Училище любви" в переводе П.П.Сумарокова. Если первый в России провинциальный литературный журнал "Уездный Пошехонец" появился в Ярославле в 1786 году, то уже с 1789 года в Тобольске сразу начинают издаваться литературный, исторический и научный журналы. Драматические театральные представления в Омске начали давать практически одновременно со знаменитыми волковскими спектаклями в Ярославле. Практически

⁶⁷В первой половине XVIII века – до введения в 1764 году губернского деления Сибири – Тобольск являлся административным центром всех сибирских владений России.

во всех сибирских городских семьях, в основной своей массе не дворянских, в XVIII веке умели музицировать и заниматься домашним вокалом. Опять же вопреки укоренившемуся мнению, психологический тип сибирской городской семьи того времени был во многом преисполнен сентиментальности и романтизма, что, к слову, делало ее похожей на семьи германских горожан того времени.

Любопытно, что именно люди подобного психологического типа склонны к “творчеству на рабочем месте” и оказываются наиболее успешными в скрупулезной инженерной работе. Именно благодаря подобному психологическому складу жители Японии с 60-х годов XIX века сумели за какие-то неполные сорок лет изумить мир, в должной мере и с максимальной глубиной освоив все достижения европейской технической культуры. Аналогичное “промышленное чудо” могло состояться и на наших восточных окраинах, и к тому были предпосылки. Именно за Уралом были изобретены и паровая машина⁶⁸, велосипед⁶⁹ и электромеханический телеграф, причем первый действующий экземпляр электромагнитного телеграфа будущий академик Павел Шиллинг⁷⁰ построил и испытал в 1828 году не где-нибудь, а именно в Кяхте!

⁶⁸Первую в мире паровую машину за 18 лет до Уатта сконструировал и построил по “казенному заказу” мастер Барнаульского горного завода Иван Ползунов в 1766 году. Машина была испытана и введена в эксплуатацию уже после смерти своего создателя и проработала в качестве воздушного компрессора 1023 часа до появления течи в цилиндре, устранить которую без Ползунова никто не смог. Ненужным хламом машина простояла 15 лет и была разобрана за два года до получения Дж.Уаттом патента на “универсальный тепловой двигатель” в 1784 году.

⁶⁹Первый велосипед был построен мастером Нижнетагильского завода Ефимом Артамоновым в 1800 году. Прибыв своим ходом на двухколесной цельнометаллической машине в Москву, Артамонов смог продемонстрировать ее на Сокольническом поле во время коронации Александра I 19 сентября 1801 года, за что получил освобождение от крепостной зависимости. По совету доброжелателей Артамонов пытался получить “привилегию” (допатентную форму защиты интеллектуальной собственности) на свое изобретение, однако крестьянину в том было отказано (первый патентный закон в России появился лишь в 1812 г., однако и в нем сохранялся разрешительный порядок подтверждения авторских прав). Повторно велосипед был открыт и запатентован в Германии Карлом фон Драйсом в 1814 году.

⁷⁰Первые устройства, позволяющие передавать на расстояние электрический сигнал, появились задолго до Шиллинга. В частности, еще в 1753 г. шотландец Ч.Морисон предложил передавать текстовые сообщения по пучку из 26 фазовых проводов, числом соответствующему буквам латинского алфавита. Первые образцы подобного рода *электростатических* “телеграфов” были созданы в Испании в Англии в 20-е годы XIX столетия, но из-за своей дороговизны распространения они не получили. Принципиальную идею *электромагнитного* телеграфа первым высказал в 1820 г. француз М.Ампер, однако воплотить ее в действующем устройстве с

Один из первых исследователей "сибирского народа" Н.М.Ядринцев отмечал, что именно на этой земле родились и сформировались "более или менее ученые и писатели: <историк П.А.>Словцов, <экономист, участник восстания декабристов Г.С.>Батеньков, <писатель В.В.>Пассеки, <великий химик Д.И.>Менделеев, Чигунов, <губернатор Восточной Сибири М.С.>Корсаков, <писатель, историк, чл.-корр. Петербургской академии наук Н.А.>Полевой, <ориенталист, исследователь буддизма А.А.>Бобровников, <публицист, редактор "Отечественных записок" Г.З.>Елисеев, <географ, исследователь Центральной Азии Г.Н.>Потанин, <зоолог, хранитель Зоологического музея Академии наук И.С.>Поляков, Капустины⁷¹, <юрист и правовед Н.А.>Кремлев, <писатель М.В.>Загоскин, <публицист, историк и географ В.И.>Вагин, художники <В.Г.>Перов, <В.И.>Суриков и т.д. А также что "в сибирском русском населении рассудок, кажется, гораздо более преобладает над чувством. Холодно-рассудочная, практическая расчетливость сибиряков или преобладающая склонность к реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляет в них почти всякое идеалистическое умунастроение". Что сибиряки "менее мистичны и религиозны, чем российские люди... <a> в большинстве случаев совершенно чужды мистицизма. ...Следы местного умунастроения обнаруживаются также в том, что сибирское население на многие традиционные учреждения или принципы и правила смотрит гораздо свободнее и смелее, чем великорусский народ, оно руководствуется более натуральными чувствами, потребностями и побуждениями" [61].

"Новая Америка"

Итак, три ключевых фактора: отсутствие крепостного права, несравненно более высокий уровень развития гражданских правоотношений и наличие объективных возможностей для трансформации акматического идеала экспансии в идеал планомерного обустройства и концентрации на задачах внутреннего развития, – делали Сибирь не задворками национальной архаики, а полигоном, где в меру допустимого по условиям того времени вполне успешно реализовывалась альтернативная модель

использованием двоичного кодирования сигнала, передаваемого по одной паре проводов, после 8 лет работы сумел именно П.Шиллинг.

⁷¹С.Я.Капустин – экономист, один из первых русских социологов; М.Я.Капустин – известный врач-гигиенист.

развития русского общества. Густота меха сибирских тулупов и фольклорная "длина бород" не должны вводить в заблуждение – сибирское сообщество, нисколько не копируя Европу и намного более успешно, нежели остальная Россия, развивалось по модели субпромышленного века. И если бы не объективные геополитические ограничения – в следующем XIX столетии мы могли бы иметь к востоку за Уралом весьма развитую в финансово-промышленном отношении территорию, экономически доминирующую над отсталой, полуфеодальной европейской частью России. Не думаю, что в этом случае между двумя частями страны могло произойти нечто похожее на гражданскую войну между северными и южными штатами Северной Америки. Скорее всего, ставшая очевидной на максимально близком примере экономическая неэффективность обладания землей с ведущими на ней примитивное сельское хозяйство крестьянами лучше всего другого сподвигла бы центрально-российских землевладельцев на освобождение крепостных – пусть даже и без земли, поскольку рабочие места для них бы нашлись.

Понимаю, что вывод об имевшихся возможностях превращения Сибири в “русскую Америку” для многих неожиданен и спорен. Тем не менее, резюмируя сказанное выше, подытожим имевшиеся для этого основания:

- акматический идеал, направленный на обустройство территории и приращение достатка;
- отсутствие крепостного права;
- высокая доля представителей торговых и купеческих сословий в составе населения;
- более ранний и высокий уровень развития гражданских правоотношений;
- наличие эффективных и во многом уникальных сфер для развития торговли и промышленности, способных в полной мере обеспечивать первоначальное накопление капитала;
- особенности субэтнического стереотипа поведения, в большей степени располагающие к развитию деловых отношений в сообществе с преобладающей горизонтальной, “сетевой” организацией, нежели к службе в субординированной системе.

Как видим, основания более чем солидные. На протяжении двух веков за Уралом формировались полноценные основы общества нового типа, вполне способного посостязаться с

западноевропейцами в “строительстве капитализма”. История, уже позволившая России в эпоху английской буржуазной революции прожить без потрясений прежде всего благодаря наличию “предпринимательского пространства” на Востоке, вновь давала шанс вырваться вперед.

**Когда Восток
был
престижнее
Запада**

Немаловажно и то, что в сознании людей XVIII–XIX веков “русский восток” – при всей неоднозначности своего имиджа (туда ссылали, туда отправляли на каторгу) – был престижен и желанен в качестве места для карьеры и дела.

Уехать на восток означало отправиться за достатком, счастьем, а если повезет – то и за богатством. В XIX веке железнодорожные вокзалы были, в отличие от современных, не значимыми, а фешенебельными местами, аналогичными по статусу нынешним международным аэропортам, а районы их размещения в городах – центрами деловой жизни и торговли. При этом достаточно взглянуть на московскую площадь Трех Вокзалов, чтобы убедиться: здания вокзалов восточного направления – Казанского и Ярославского – резко выделяются на фоне остальных московских вокзалов масштабами и сохранившимися следами изысканности. После открытия в России в 1851 году первой железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой строительство следующей началось именно в восточном направлении, на Саратов (1856), Нижний Новгород (1858) и в направлении традиционных со времен походов Ермака пермско-вятских “ворот в Сибирь” (ярославская железнодорожная линия, 1859 год). В южном направлении стальная колея потянется значительно позже: работы по сооружению путей Курской железной дороги в направлении Крыма начнутся лишь в 1865 году, на запад, в направлении Бреста, – в 1867 году. Железнодорожное сообщение с Северным Кавказом (Ростов–Владикавказ) откроется лишь в 1875 году, с Новороссийском – в 1888 году. Строительство Московско–Виндавской (ныне Рижской) железной дороги начнется лишь в 1897 году, спустя 13 лет после начала работ по сооружению Великого Сибирского пути – нынешнего Транссиба (1884)⁷². В очередности строительства железных дорог – за исключением, пожалуй, Транссибирской магистрали – не стоит искать “политическую волю” правительства –

⁷²В XIX веке даже наиболее престижные районы дачной застройки формировались к востоку от Москвы – вдоль только что построенной линии Рязанской железной дороги (Томилино, Малаховка, Кратово и т.д.).

подавляющая их часть сооружалась на средства акционерных обществ, которые самостоятельно готовили проект и лишь затем ходатайствовали о выделении концессии, утверждаемой впоследствии императорским указом. Таким образом, очередность сооружения стальных магистралей определялась прежде всего экономическим расчетом.

В железнодорожных составах, уходивших из Москвы на Восток, наряду с зелеными и коричневыми вагонами “для низших чинов и сословий” всегда можно было встретить сверкающие синей эмалью и до блеска надраенными медными деталями вагоны первого класса. Состоятельные путешественники уезжали в Сибирь как за предпринимательским успехом, выгодными подрядами и деловыми контактами, так и в поисках карьеры. В конце XIX века сибирское чиновничество на 62% состояло из приезжих из европейской части России [62]. Набиравшее силу с 60-х годов на Востоке строительство, военное обустройство, развитие образования (в 1878 году в Томске открывается первый на азиатском континенте университет), здравоохранения и культуры влекло за Урал отнюдь не худших инженеров, профессоров, врачей и учителей. Задолго до знаменитых столыпинских реформ на свободные сибирские земли потянулись крестьяне. Если в 1719 году русское население Сибири составляло 321 тыс. человек, в 1795 году – 819 тыс., то, согласно результатам переписи 1897 года, там проживало уже 5.8 млн. человек. С 1861 по 1914 год за территорию за Уральским хребтом своим постоянным местом жительства добровольно избрали 4.1 млн. человек, из которых 3.4 миллиона составляли представители крестьянского сословия [63]. К 1914 году в Сибири проживало около 10 млн. человек, из которых 97% были переселенцами или потомками переселенцев [64], [65]. Из новых жителей Сибири лишь 18% оказывались здесь в результате заключения и ссылки – остальные приезжали осознанно и по доброй воле.

Поток добровольной эмиграции в азиатские владения России в конце XIX – начале XX века абсолютно доминировал над эмиграцией в дальнее зарубежье. Так, в период с 1899 до 1914 года в США и Канаду уехало всего 165 тыс. русских (великороссов, украинцев и белорусов), а с 1886 по 1910 г. эмигрировали 1.3 млн. евреев. Даже с учетом уехавших с середины XIX в Турцию северокавказских мусульман (1.3 млн. человек) [66], переселенческий поток в Сибирь был выше суммарной эмиграции за рубеж на 32%. При этом, помимо славянских переселенцев, на восток в поисках лучшей доли переселялись немцы (Алтай), латыши

(Омск, Красноярск), эстонцы (Верхнее Приобье), значительное число евреев из европейской части страны. Так, на мемориальном "русском кладбище" в Харбине – "столице" Китайской Восточной железной дороги – в 1959 году было зарегистрировано 1200 православных и 735 еврейских могил, т.е. доля последних составляла 38% [67]). Даже "надменные" поляки, оказавшись в Сибири не по своей воле, пустили на этой земле достаточно прочные корни.

Немаловажным фактором, определяющим предпочтительность "сибирского континента" при выборе жизненного пути, была психологическая комфортность ведения общественных и деловых отношений, связанная с отсутствием основы для межнациональных фобий. Заложённая в архетипе русского человека весьма резкая реакция на ущемление национальной гордости здесь попросту не имела поводов проявить себя. Что греха таить, в западных регионах империи, прежде всего в Польше, Прибалтике и в меньшей степени в Бессарабии, русский человек сталкивался не только со значительной конкуренцией со стороны местного населения, но и с плохо скрываемой недоброжелательностью, формирующей отнюдь не лучший психологический фон для ведения дел. В жизни же русской диаспоры в Закавказье и Средней Азии постоянно присутствовал другой, не менее тяжёлый фактор дискомфорта, связанный с дефицитом безопасности и слишком значительным уровнем культурно-бытовых различий.

Однако наиболее важным, что отличало русский сибирский субэтнос от населения европейской части России, была *органичность акматического целеполагания*. В условиях более справедливых общественных отношений со значительно меньшей долей внеэкономического принуждения, при очевидной ясности естественных задач развития и причин, ему препятствующих, с позитивной мотивацией труда, аналогичной германо-протестантской *Arbeit macht frei*⁷³, жителям Сибири не было нужды тратить силы в конструировании и достижении искусственных идеалов. Последние подсказывала сама жизнь. Даже фантастические, изначально окутанные мистикой в стиле Н.Рериха, идеи знаменитых походов алтайских староверов "в Беловодье"⁷⁴ оставались просто плодом

⁷³“Труд дает свободу” (из “Фауста”)

⁷⁴О массовых переселениях ("хождениях") алтайских крестьян в глубины Западного Китая и Тибета стало известно в 1840 г. В 1840–1860 гг. имело место как минимум 4 массовых (до 400–500 человек) переселения и значительно большее число менее крупных – до 1923 года, – "хождений в Беловодье". Следы русских поселений в малодоступных урочищах Тибета находила экспедиция Пржевальского, а в 1892 г.

экзальтированного религиозного воображения, если бы за ними не просматривалась объективная и здоровая основа – обретение новых лучших земель и ресурсов для "вольной жизни" и гармоничного развития.

**Выбор,
сделанный
навсегда**

Во второй половине XVIII – первой половине XIX веков Россия, с трудом переводя дух между победами и поражениями на европейском военно-политическом пространстве, незаметно для остального мира и даже для себя самой сумела взрастить в своих восточных владениях, еще территориально ограниченных и недостаточно развитых, существенно новый тип общества. "Гражданам" этой "новой России" удалось в непростой борьбе за выживание, освоение и обустройство своих земель естественным путем преодолеть многие из пороков и барьеров, сковывавших развитие общества на "коренной территории" и столь тяжело обременявших его ложными целями и задачами. Долгие десятилетия этот "восточный ребенок" не подавал голоса, не требовал к себе особых внимания и заботы. Однако начиная с середины столетия положение изменилось. Свои взгляды на русский Восток обратят не только политики и промышленники, но и широкие слои интеллигенции, от прагматичных журналистов до религиозных мистиков. *Восточное направление всерьез начнет конкурировать с традиционными кавказским и балканским, а к концу XIX века станет ведущим в политике Российской империи.*

За тот небольшой срок, который история отпустит Российской Империи до момента ее крушения в 1917 году, русский Восток успеет побывать и любовью, и болящей раной. Его повторное "открытие" приведет к смешению двух достаточно разошедшихся и уже ставших непохожими субэтнических стереотипов и поведенческих моделей. Русская политика на восточном направлении сохранит рациональное содержание, однако в силу увлеченности излишними акматическими целями – вкладом в "восточную политику" русско-европейского субэтноса, – станет более рискованной и авантюристичной. Наряду со здоровой созидательностью в ней появится зерно обреченности, которое очень

английский путешественник В.Рокхилл отмечал, что "некоторые среди детей цайдамских монголов имеют европейские черты лица, причем так сильно выраженные, что тибетские власти недавно не пустили их на паломничество к святыням Лхасы (столицы Тибета), заявляя, что они – русские" [68].

скоро прорастет кровавыми всходами и горечью неоправданных потерь.

Однажды утвердившись на огромной территории северо-востока Евразии, Россия тем самым приняла на себя огромный груз задач, связанных не только с ее обустройством, но и с реализацией через него своей исторической, человеческой и, если хотите, божественной миссии. Эти задачи, определяющие наши права на обладание данной землей, не удалось решить ни в рамках старой, царской, ни в рамках модернизированной советской империй. Если решим их мы – исторический цикл, открывшийся когда-то походом Ермака, будет логически завершен, и спираль истории направит нас к решению задач уже другого порядка, с высоты которых прошлое будет представляться сусальной картинкой из навсегда закрытой книги – подобно событиям эпохи античных героев или рыцарских турниров. Если нет – с неумолимой силой заработает маятник Истории, и спустя пять веков вектор нашего движения с запада на восток вынужденно сменится обратным процессом – как это было в эпоху, казалось бы, канувшего в вечность Великого переселения народов V – VIII веков или монгольской экспансии X – XIII веков. И тогда другим будет предоставлена возможность решить и реализовать то, что не сумели мы.

Но об этом – в последующих главах.